

Для цитирования: Батурина, И. В. Трансгуманистические перспективы политико-правовых трансформаций в контексте интенсификации развития систем искусственного интеллекта / И. В. Батурина // Социум и власть. — 2023. — № 1 (95). — С. 51—60. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-51-60. — EDN TBHPXG.

УДК 101.1 : 316.3

EDN TBHPXG

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-51-60

ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕНСИФИКАЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Батурина Ирина Валерьевна,

Южно-Уральский государственный университет,
старший преподаватель кафедры философии,
кандидат исторических наук.
Челябинск, Россия.
E-mail: devizzina@mail.ru

Аннотация

Введение. Инновационизм в различных областях жизнедеятельности общества изменил как природную, так и социальную среду. Скорость перемен в новом информационно-коммуникативном поле является причиной возникновения множества вопросов, связанных с изучением проблем общества и машины, выяснением места искусственного интеллекта в социальных отношениях. Эти процессы стимулировали появление философских исследований, предметом изучения которых являлся человек, современные технологии, сценарии развития общества, социокультурные и политико-правовые формы его организации. С 90-х гг. XX в. на Западе и позднее в России формируется трансгуманистическая концепция, особым образом связывающее человека, социум и технологии. Представители трансгуманизма изучают технические разработки человеческого бессмертия и выстраивают модели совершенного человека, преследуя в качестве цели избавление его от страданий и болезней. Трансгуманистические перспективы актуализируют необходимость объективной, конструктивно-критической оценки возможных достоинств и рисков технологического развития и его воздействие на политико-правовое устройство. В этой связи принципиально важна способность к видению и вычленению особенностей этого процесса и последующей рефлексии.

Цель. Цель статьи — рассмотреть политико-правовые трансформации в контексте взаимодействия современных технологий и социума через призму трансгуманистических перспектив, выявить возможные направления философской рефлексии политико-правовых модусов современности.

Методы. Для достижения поставленной цели исследования были использованы общенаучные методы познания: анализ и синтез, индукция, дедукция, сравнение, абстрагирование. В статье также применялся институционально-функциональный и системно-структурный подходы, метод интерпретации и контент-анализа. Аналитика общественного мнения и специальной маркировки искусственного интеллекта была проведена с помощью обращений к сетевому контенту (социальные сети, блоги, форумы). Каналы коммуникации воспроизводят сообщения, упоминающие о современных технологиях с точки зрения обывательского мировосприятия, основанного на транслируемых в обществе стереотипах и влиянии популярной культуры. Контент-анализ выявил актуальность спектра маркировки относительно системы искусственного интеллекта, включающей глаголы «создаст», «уничтожит», «поможет», «поработит». По поводу сферы труда, права и политики позиции расходятся от откровенного алармизма до утопических образов социальной благоустроенности.

Научная новизна исследования. В данной статье анализируются перспективы рассмотрения феномена социальных трансформаций, формы их репрезентации через политические и правовые взгляды на примере трансгуманизма.

Результаты. Автором сделана попытка дать комплексное описание социальных изменений в области государственного управления, правового регулирования, правосубъектности и юридической ответственности, социального равенства участников правоотношений через специфическое преломление этих социальных явлений в трансгуманистических идеях. Перечисляется спектр основных проблем, находящихся в сфере интересов трансгуманистического мировоззрения.

Выводы. Обращение к модернизационным стратегиям на примере трансгуманизма является закономерной и необходимой потребностью в политико-правовой сфере, в частности. В процессе анализа был обозначен широкий спектр проблем, которые актуализируют социальные и аксиологические и антропологические оптики исследований. Многообразные формы трансгуманистических политических направлений выступают как проявления социально-правовой рефлексии на интенсификацию инновационизма, который способен радикально изменить человеческую природу.

Ключевые слова:

наука и техника,
инновационизм,
высокие технологии,
искусственный интеллект,
социальное пространство,
политика и право,
трансгуманизм

Введение

Информационная среда, в которой находится современный человек, требует адаптации к условиям цифровизации. Ценностные ориентации, мировоззрение личности и общества находятся в активном динамическом процессе, облекаясь в новые модификации, порожденные воздействием «виртуальной реальности».

Интенсивное развитие технологий приводят к констатации неизбежности общественных изменений. Скорость перемен в новом информационно-коммуникативном поле является причиной возникновения множества вопросов, связанных с изучением проблем взаимодействия машины, человека и общества, выяснением места искусственного интеллекта в системе социальных отношений, выработкой мировоззренчески и методологически взвешенных позиций в исследовании информационных и интеллектуальных систем и применением их в жизни, выделением характерных особенностей и специфики научно-технической трансформации будущего, выявлением новых парадигм и приоритетных направлений техногенной цивилизации, сценариев развития общества и др. Цифровые технологии изменяют привычные элементы социальных взаимосвязей. По мысли Р. Д. Купера, эра информационных технологий настолько плотно вошла в нашу жизнь, что все сферы жизнедеятельности общества (политика, право, образование) так или иначе оказались задействованы в ней [5, с. 17]. Системы искусственного интеллекта создаются людьми и отражают спектр их потребностей и образа жизни, они организуют новые условия бытия, особые способы передачи и обработки информации. Рассматриваемый феномен породил множество дискуссий среди ученых, представителей общественности и бизнес-структур в связи с положительными и отрицательными эффектами его воздействия на сознание отдельного человека и общества в целом. Существенно изменяя социокультурную среду, технологии трансформировали систему ценностей личности. Активное их использование человеком во многом автоматизировало коммуникацию, убыстрило решение практических вопросов. Зачастую, применяя блага технической деятельности, человек избегает осмысления этого процесса. При минимальных затратах, используя плоды научно-технического творчества, общество извлекает видимую сиюминутную выгоду. В этой связи важно определить

условия технологической жизни социума в будущем, риски и перспективы развития систем искусственного интеллекта. Все это обусловило необходимость философского осмысления социального дискурса инфотехнологического инновационизма.

Организация процесса деятельности органов публичной власти в контексте технологического развития

Преобразования коснулись и политической системы, ее институциональных элементов и структур. Одним из актуальных вопросов является организация процесса принятия решений государственно-властными органами в связи с современными технологическими новшествами. С точки зрения А. Н. Пилипенко, функционал государственно-властных органов в связи с расширением и распространением автоматических электронных систем и информационных ресурсов трансформировался, в ряде случаев произошло замещение одного другим, оптимизировался процесс подачи документов и др. В настоящее время популярность стали набирать различного рода прогностические выкладки и аналитические данные. Создаются информационные системы с функцией быстрого поиска, позволяющие автоматизировать процесс принятия управленческих решений и в целом облегчить процесс деятельности органов публичной власти [9, с. 114—189].

В проблемное поле выходят вопросы соотношения и взаимосвязи деятельности в сфере принятия управленческих решений роботом и должностным лицом, режим использования электронных технологий представителями органов государственной власти, работниками судебной системы и законотворчества.

В современных условиях цифровизации основания и виды управленческих решений изменяются, что является актуальным вопросом в деятельности институтов публичной власти. Так, в нашей стране в 2017 г. произошел переход к автоматической системе «Правосудие», которая позволяет весьма успешно реализовать гражданам Российской Федерации свои права и законные интересы, связанные с обращением в органы судебной власти в электронном режиме, что является непосредственной демонстрацией примера изменения формы правоприменения в связи с интенсификацией технологических процессов в обществе.

Председатель правления Сбербанка Г. Греф озвучил свою позицию относительно использования «технологических благ». Она свелась к мысли о том, что процесс составления исковых заявлений был автоматизирован, вследствие этого нужна в 450 юристах банка пропала [10].

Следует признать, что искусственный интеллект способствует облегчению деятельности должностных лиц, действия по составлению документации, системных запросов упрощаются. Однако, с другой точки зрения, управление — это целостный механизм, «живая» система, которая подразумевает участие человека. Ценность неформального подхода обуславливается тем, что право — это не только комплекс нормативных предписаний, формализованных и официальных, это система решений, которая позволяет разрешать конфликтные ситуации и юридические споры. Данные решения продиктованы сознанием и волей конкретных личностей (должностных лиц, судей, прокуроров), которые опираются в своих волеизъявлениях на букву закона, руководствуясь объективностью и фундаментальными принципами права, задекларированными в основных нормативно-правовых актах государства.

В научной литературе высказывается идея о том, что фундамент правовой структуры должен быть незыблем в смысле присутствия фигуры человека в ней. Тенденции излишней механизации могут привести к противоречивым последствиям, в первую очередь, в зоне несения ответственности за принятия управленческих решений [11, с. 8].

Нормативное регулирование правового статуса искусственного интеллекта

Проблема правовой регламентации в сфере разграничения правосубъектности (расширение границ правосубъектности интеллектуальных систем или создание отраслей права — для людей и роботов [25, с. 155—179]) все более актуализируется в связи с наличием прецедентов противоправных деяний, совершенных искусственным интеллектом в результате его сбоя или саморазвития. Таким образом, проблема правосубъектности дополняется проблемой ответственности.

В связи с тенденциями антропоморфизации роботов, а также автономностью их действий наблюдается изменение понимания категории «искусственный интеллект» от сугубо технического контекста к социаль-

но ориентированному. Так, ученые, изучая искусственный интеллект с точки зрения междисциплинарного подхода, предложили определять его статус как агента [24, с. 513—563]. Определение роли, места изучаемого явления в социальном, правовом, политическом пространстве становится актуальным для правового регулирования в государстве.

В юридической доктрине сложилось несколько подходов к интерпретированию правового статуса искусственного интеллекта. В одном из них робот постулируется как инновационное техническое средство, следовательно, и в правовое пространство он попадает в качестве объекта права, который воздействует на правоотношения. Л. Соулум в своих научных работах в рамках данного подхода обозначил аргументы, по которым искусственный интеллект в законе должен быть признан в качестве объекта права [26, с. 1231—1287].

С точки зрения Э. В. Талапиной, робот — это новый субъект права. Возникновение данной правовой категории непосредственно связано с совершенствованием технологических новшеств, поэтому искусственный интеллект является субъектом права, как и человек. Статус «цифровой личности» должен быть закреплен в законе, его правомочность должна найти отражение во всех областях права [14, с. 9]. Э. В. Талапина обращает внимание на способность искусственного интеллекта к самостоятельному принятию решений, к самообучению и автономной деятельности, поэтому здесь встает вопрос о признании робота личностью, а с правовых позиций — субъектом права. В силу этого искусственный интеллект становится правомочным реализовывать субъективные права и исполнять юридические обязанности.

Здесь важно обозначить еще один аспект, связанный с разноуровневым функционалом: человекоподобный робот и банкомат, например. Подобное сравнение, приводит к тезису о том, что данные платформы имеют различную структуру и сложность. Не представляется возможным поставить в один ряд самообучающуюся, автономную технологию и электронную систему с заданной программой функционирования. При законодательном закреплении юридического статуса такого рода субъектов права необходимо учитывать особенности подобных систем, очерчивая их правосубъектность, юридические обязанности и ответственность [19, с. 383].

В правовой доктрине также используется термин «квази-субъект» права или специфический объект права. Эта альтернативная

позиция, согласно которой, данная категория не наделяется полноценной правосубъектностью [3, с. 314]. Применительно к рассматриваемому вопросу можно привести «концепцию о робототехнике», которую разработали совместно юрист В. Наумов и глава Совета директоров компании Д. Гришин «Mail.ru». В теории права роботы подобны животным, поэтому они должны иметь правосубъектность, однако в системе юридических норм остаются правовыми объектами. Искусственный интеллект иррационален, однако, как и животное, он способен к автономным действиям [4].

Ученые-юристы предлагают еще одну формулировку исследуемой категории — «электронное лицо» [22]. Данное понятие входит в состав юридической науки и берет свое начало с трактата Г. Кельзена. Правосубъектность — это не природная данность, а юридическая конструкция, которая была создана для описания фактических составов, закрепленных законодательно. Под субъектом права понимается «индивидуализируемое единство совокупности правовых норм», которое регламентирует и определяет субъективные права и юридические обязанности, основанные на определенном поведении [6, с. 212—219]. Таким образом, термин «электронное лицо» может быть использован в отношении искусственного интеллекта [1, с. 39—45].

Обобщая, можно констатировать, что категория «искусственный интеллект» с точки зрения юридической науки находит свое преломление в спектре разносторонних интерпретаций. С точки зрения правового статуса интеллектуальные машины оказываются между объектом и субъектом права. Одни ученые отрицают необходимость их наделятия правосубъектностью, видя в них объектов права, другие — наоборот, третьи предлагают ввести новые правовые понятия с специфическим набором элементов правомочности и ответственности («квазисубъект», «электронное лицо»).

Репрезентация политико-правовых взглядов в трансгуманистической проблематике

Применение искусственного интеллекта трансформирует окружающую среду, а в частности социальную, политическую и правовую структуру. Общество, сталкиваясь с результатами четвертой промышленной революции и с назревшими экологически-

ми рисками, вынуждено адаптироваться к техносреде.

В связи с этим современные социальные практики порождают различные интерпретации в науке и новые философские концепты. Одной из них является трансгуманистическая проблематика, предполагающая использование новаций для преобразования человечества: избавления человека от боли и болезней, от страданий, увеличение его физического и интеллектуального потенциала, совершенствование способностей, расширение границ, повышение качества жизни в современном обществе [2; 8].

На уровне социальной системы в трансгуманистической доктрине технологии являются источником изменения природы человека, что, в свою очередь, влечет трансформацию общественного устройства. Данная тенденция несет в себе вопросы углубления социального неравенства и в целом затрагивает проблемы организации человеческого общежития.

Оптимальное функционирование общества связано в том числе и с формированием сознания массового человека. В этическом плане оно может рассматриваться сквозь призму противоположных нравственных категорий эгоизма и альтруизма [13] что в условиях интенсификации информационно-технологического инновационизма приобретает особую значимость.

В трансгуманизме также высказывается идея об эволюции человека. В частности, координированию подвергается не только ее биологическая составляющая, но и социальная. Этот процесс ведет к выстраиванию новых форм социальных отношений между государством, бизнесом и гражданским обществом.

Одним из принципиальных положений, декларируемых в трансгуманистической концепции, является мысль о том, что интенсивное развитие высоких технологий, тотальная цифровизация и прогресс в целом изменит биосоциальную природу человека, что повлечет за собой открытый доступ к ресурсам для каждого человека [7, с. 9].

Еще одним актуальным вопросом, связанным с социальными и политико-правовыми аспектами воплощения в практическую действительность идей трансгуманизма, является проблема внедрения передовых технологий, в частности вопрос о последствиях, которые будут наблюдаться в различных сферах жизнедеятельности общества при широком распространения инноваций. Н. Бостром и его единомышленники рассматривают эту проблему с точки

зрения этического утилитаризма. Фокус внимания сосредоточен здесь на самом содержании продукта и его «побочных эффектов» от использования той или иной инновации в процессе ее исследования и экспериментов на человеке. И, как следствие, дискуссия о справедливом распределении результатов технологии и соблюдения при этом прав и свобод людей [16, с. 311—341].

В политическом самоопределении трансгуманистической концепции можно выделить несколько политических течений, представители которых предлагают и обосновывают разные способы экономического и политико-правового управления эволюцией человеческого вида: либертарианская идеология, демократический трансгуманизм, технопрогрессизм и другие многочисленные формы репрезентации политических взглядов.

Источником в процессе оформления многочисленных направлений политической мысли в трансгуманистической парадигме стали различные направления либертарианской идеологии. Одной из них является философия экстропианства [21, с. 5—8], ключевыми моментами которой выступают независимость и автономность частной жизни, отсутствие государственного давления на личность, экономику, свободный рынок, право каждого человека на распоряжение своей жизнью и телом [12, с. 56—60].

Понятие «либертарианский трансгуманизм» впервые использовали Р. Бейли [15] и Г. Рейнольдс [23]. В своих работах авторы делают акцент на политические и экономические условия, фундаментирующие дальнейшее эволюционирование человека в контексте многочисленных технологических новаций. Они считают, что свободный рынок, который, с их позиций, обеспечивает частную свободу и развитие, выступает лучшим гарантом права на расширение антропологических возможностей. В основе данного мировоззрения лежат такие принципы, как разумный эгоизм и рациональность в отношении использования новых технологий. Ограничения права на расширение возможностей собственного тела либертарианские трансгуманисты воспринимают как нарушение гражданских прав.

Родоначальником второго политического направления трансгуманистической политико-правовой мысли являются Н. Бостром и Д. Хьюз. В 2004 г. Д. Хьюз издает работу [20], в которой определяется термин «демократический трансгуманизм». Основными тезисами данного политического на-

правления являются положения о том, что все должны быть равны в праве на доступ к технологиям улучшения антропологического потенциала, рациональный контроль природных и социальных сил, горизонтальная структура социума, общественные методы — это основа для решения всех правовых проблем в этом контексте. При принятии государственных решений представители течения видят возможным применение демократических процедур, которые должны объединить сильные аспекты рыночной экономики и государственные методы с целью преодоления социального неравенства и уменьшения разрыва между социально-экономическими классами.

Также Д. Хьюз определил ряд «левых техно-утопических» тенденций, которые могут быть включены в демократический трансгуманизм. Среди них наносоциализм, научная фантастика афроамериканского, феминистского толка, ЛГБТ-направлений, движение биопанка, энвайронменталистское учение и движение за преодоление экологического кризиса и др.

Технопрогрессисты — представители еще одного политического течения в трансгуманистических перспективах. В работах Д. Каррико [18] содержится мысль о том, что идеи эволюции и прогресса должны иметь в первую очередь социальный и этический акцент, и только после — научный и технический. Изначально надо предпринимать меры по укреплению основ социального государства и гражданского общества, изживать социальное и культурное неравенство, строить систему устойчивой демократии. Любая технология может быть потенциально использована как средство угнетения. Поэтому справедливое распределение затрат, социальное равенство, четкая правовая регламентация техно-прогрессивных тенденций является залогом успешного прогресса.

Таким образом, в сфере внимания трансгуманистической мысли находят свое отражение разнообразные проблемы, локализуемые в сферах политики и права. Данная парадигма находится в стадии формирования, поэтому содержит в себе элементы научной фантастики, публицистики, пропаганды. Кризис гуманизма и наметившиеся изменения (экологические риски, интенсификация инновационных разработок, активно развивающаяся цифровая среда) приводят к мысли о необходимости применения прогностики. Одной из возможных модуляций в этом процессе может оказаться оформляющиеся трансгуманистические идеи.

Во многом политические и правовые конструкты данной доктрины строятся на манифестах и лозунгах. Тем не менее суть позиций заключается в приоритетном значении информации и технологии в ценностной структуре и правовых основах данной перспективы. Также акцентируется внимание на рациональности, инновационности, политической и экономической либеральности с возникающими возможностями неограниченного производственного роста и растущей динамикой потребления.

Заключение

Обращение к модернизационным стратегиям на примере трансгуманизма является закономерной и необходимой потребностью в политико-правовой сфере. Уже сейчас общество и система государственного управления сталкивается с вопросами определения правового статуса систем искусственного интеллекта, разграничением пределов автоматизации и непосредственного волеизъявления должностного лица при принятии властных решений. От того, какую позицию займет государство в разрешении этих противоречий, зависит будущее как отдельного индивидуума, так и общества в целом. Трансгуманизм в этом смысле предлагает различные сценарии, выражающиеся в политико-правовом самоопределении этой концепции.

Рассмотренные ранее назревшие проблемы социальных трансформаций в области государственного управления (режим использования электронных технологий властными структурами, «электронное правосудие», автоматизация государственных услуг), правового регулирования (разграничение правосубъектности киберсистем, людей и животных, проблема возложение вины и ответственности за содеянное, социальное равенство участников правоотношений) находят специфическое преломление в трансгуманистических взглядах, что позволяет разностороннее выявить модусы описываемых социальных феноменов. Их связи с позициями либертарианской идеологии, демократическим трансгуманизмом, технопрогрессизмом открывают возможность спрогнозировать проблемы, выявить «уязвимые места» в контексте технологического прогресса.

Технопрогрессивизм более «осторожен» в своих прогностических выкладках, его идеологи конституируют мысль о нравственном фундировании прогресса, о необходимости его законодательного закрепления

с выработкой основополагающих этических начал и принципов. Важным условием для введения трансгуманистических идей является социальная адаптированность, создание основ гражданского общества и социального равенства. Эти позиции не лишены рационального зерна, которое может быть возвращено при решении конкретных вопросов в системе государственного и правового управления. В частности это относится к выработке механизма применения систем искусственного интеллекта с точки зрения защиты основополагающих прав человека (защита от дискриминации и избирательного применения, сокращение рисков разглашения конфиденциальной информации и др.).

В дискурсе правовой регламентации технологических новшеств и их применения человеком либертарианский трансгуманизм более радикален. Это обусловлено тем, что исторически данное направление возникло в среде американских бизнесменов, специалистов по информационным технологиям и отчасти отражает их стремления к получению максимальной свободы в условиях рынка. Расширение возможностей тела человека с помощью «благ прогресса» устанавливается как его неотъемлемое гражданское право. Поэтому нарушение этого права должно повлечь наступление юридической ответственности. Эта идея представляется нам довольно дискуссионной. В трансгуманистической проблематике тело, в том числе и психика человека, как бы включены в производственные процессы. Они выступают в качестве продукта на последней стадии «изготовления». Разработка и применение новых технологий требуют глубокого осмысления представителями разных социальных групп. Сугубо технократический подход может привести к неоднозначным последствиям. В конечном итоге общество может столкнуться с человеком как с типичным изделием высокотехнологического конвейера. Игнорирование опасностей, погоня за «безграничными возможностями», конструирование будущего, где нет боли, страдания и смерти, может свестись к очередной утопической концепции.

Демократический трансгуманистический дискурс более альтернативен в этом смысле, он сводится к мысли об объединении государственных методов регулирования и преимуществах механизма действия системы рыночной экономики. Данная идея может быть положена в основу диалога между государством и представителями бизнес-структур в контексте применения

технологий искусственного интеллекта. Например, может быть использована при реализации государством принципа стимулирования развития технологий, поддержании конкуренции, обеспечении для всех, включая представителей малого и среднего бизнеса, возможностей для доступа к необходимым в процессе разработки киберсистем, информации из государственных и муниципальных баз данных, а также активное вовлечение компаний — разработчиков технологических новшеств — в процесс экспертной оценки и процесс формирования нормативных актов в сфере развития искусственного интеллекта.

Освещенные в статье формы трансгуманистических политических направлений выражают своеобразный результат социальной рефлексии на интенсификацию применения систем искусственного интеллекта. Трансгуманистические перспективы порождают новые вопросы и способы преобразования человека и общества в контексте технологического развития, анализируют необходимость обстоятельной, конструктивно-критической оценки его возможных достоинств и рисков, воздействия на политико-правовое устройство и общественные структуры в настоящее время и в ближайшем будущем. Они могут нести в себе интеграционный потенциал, способный стимулировать и концентрировать усилия науки и техники, а могут в своем радикализме оказать негативное влияние на общественные политико-правовые процессы.

1. Баранов, П. П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы / П. П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2018. — № 1. — С. 39—45.

2. Введение в трансгуманизм // Сайт Российского Трансгуманистического Движения. — URL: <http://transhuman.ru/biblioteka/vvodnyematerialy/vvedenie-v-transgumanizm> (дата обращения: 02.11.2022).

3. Голубцов, В. Г. Российская Федерация как субъект гражданского права / В. Г. Голубцов. — М.: Статут, 2021.

4. Гришин, Д. Закон об робототехнике / Д. Гришин. — URL: <https://www.dentons.com/ru/insights/alerts/2017/january/27/> (дата обращения: 03.06.2022).

5. Купер, Р. Д. Седьмое чувство. Под знаком предсказуемости: как прогнозировать и управлять изменениями в цифровую эпо-

ху / Р. Д. Купер [Пер. с англ. Э. Ибрагимовой, А. Рудницкой]. — М.: Эскимо, 2017.

6. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен. — СПб.: Алеф-Пресс, 2015. — С. 212-219.

7. Маслов, В. Н. Высокие технологии и феномен постчеловеческого в современном обществе / В. Н. Маслов: дис. ... д-ра филос. наук. — Н. Новгород, 2014.

8. Определение трансгуманизма // Сайт Российского Трансгуманистического Движения. — URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/555/110/> (дата обращения: 02.11.2022).

9. Пилипенко, А. Н. Тенденции цифровизации исполнительной власти в зарубежных странах / А. Н. Пилипенко. — М.: Инфотропик Медиа, 2021.

10. Погрефность // Российская газета. 2017, 25 июля. — URL: <https://rg.ru/gazeta/2017/07/25.html> (дата обращения: 02.06.2022).

11. Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологического бизнеса в национальном и глобальном контексте: коллективная монография / Под. общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. — М.: Проспект, 2021.

12. Рыбаков, О. Ю. Трансгуманизм Макса Мора: автаркия и отчуждение / О. Ю. Рыбаков, С. В. Тихонова // Философия права. — 2013. — № 3. — С. 56-60.

13. Субботина, Н. Д. Феномен гуманности и идея гуманизма / Н. Д. Субботина. — Чита: ЗабГУ, 2018.

14. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э. В. Талапина // Журнал российского права. — 2018. — № 2. — С. 9.

15. Bailey, R. Trans-Human Expressway: Why libertarians will win the future / R. Bailey. — URL: <http://reason.com/archives/2005/05/11/transhuman-expressway> (дата обращения: 01.11.2022).

16. Bostrom, N. Cognitive Enhancement: Methods, Ethics, Regulatory Challenges / N. Bostrom, A. Sandberg // Science and Engineering Ethics. — 2009. — Vol. 15(3). — Pp. 311—341.

17. Carrico, D. Condensed Critique of Transhumanism / D. Carrico // Amor Mundi. 2009. — URL: <https://amormundi.blogspot.com/2009/01/condensedcritique-of-transhumanism.html> (дата обращения: 14.10.2022).

18. Carrico, D. Technoprogressivism Beyond Technophilia and Technophobia / D. Carrico // The Technoprogressive. 2006. — URL: <http://technoprogressive.blogspot>.

com/2006/08/technoproggressivism-beyond.html (дата обращения: 02.11.2022).

19. Cerka, P. Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence / P. Cerka, J. Grigiene, G. Sirbikyte // *Computer Law & Security Review*. — Vol. 31. — Iss. 3. — P. 383.

20. Hughes, J. *Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesign Human of the Future* / J. Hughes. — Cambridge, MA : Westview Press, 2004.

21. More, M. *The Extropian Principles* / M. More // *Extropy*. — 1992. — Vol. 4. — Iss. 1. — Pp. 5—8.

22. Morhat, P. M. On the issue of legal personality of an «electronic person» / P. M. Morhat // *Legal Studies*. — 2018. — № (4). Pp. 1—8. — URL: <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.4.25647> (дата обращения: 03.06.2022).

23. Reynolds, G. *An Army of Davids: How Markets and Technology Empower Ordinary People to Beat Big Media, Big Government, and Other Goliaths* / G. Reynolds. — Nashville : Thomas Nelson, Inc. 2006.

24. Robotics and the lessons of cyberlaw // *California Law Review*. — 2015. — № 103(3). — Pp. 513—563.

25. Solaiman, S. M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy / S. M. Solaiman // *Artificial Intelligence and Law*. — 2017. — Vol. 25. — Iss. 2. — Pp. 155—179.

26. Solum, L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences / L. B. Solum // *North Carolina Law Review*. — 1992. — № 7 (4). — Pp. 1231—1287.

References

1. Baranov P.P (2018) Severo-Kavrazskii iuridicheskii vestnik, no. 1, pp. 39-45 [in Rus].

2. Vvedenie v transgumanizm [Introduction to Transhumanism], available at: <http://transhuman.ru/biblioteka/vvodnyematerialy/vvedenie-v-transgumanizm> (accessed 02.11.2022) [in Rus].

3. Golubtsov V. G. (2021) Rossiiskaya Federatsiya kak sub'ekt grazhdanskogo prava. [The Russian Federation as a subject of civil law]. Moscow, Statut [in Rus].

4. Grishin D. Zakon o robototekhnike [The Law on Robotics], available at: <https://www.dentons.com/ru/insights/alerts/2017/january/27/> (accessed 03.06.2022) [in Rus].

5. Kuper R. D. (2017) Sed'moe cyuvstvo. Pod znakom predskazuemosti: kak prognozirovat' i upravlyat' izmeneniyami v tsifrovuyu epohy [The seventh sense. Under the sign of predictability: how to predict and manage changes in

the digital age]. Moscow, Eskimo [in Rus].

6. Kel'zen G. (2015) *Chistoe uchenie o prave* [Pure doctrine of law]. Saint Petersburg, Alef-Press6 pp. 212-219 [in Rus].

7. Maslov V. M. (2014) Visokie technologii i fenomen postchelovecheskogo v sovremennom obzhyestve. [High technologies and the phenomenon of the posthuman in modern society]. N. Novgorod, p. 9 [in Rus].

8. Optdelenie transgumanizma [Definition of Transhumanism], available at: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/555/110/> (accessed 02.11.2022) [in Rus].

9. Pilipenko A. N. (2021) Tendentsii tsifrovizatsii ispolnitelnoi vlasti v zarubezhnykh stranakh [Trends in digitalization of executive power in foreign countries]. Moscow, Infotropic Media [in Rus].

10. Pogrefnost' [Pogrefnost'] (2017). *Rossiiskaya gazeta*, available at: <https://rg.ru/gazeta/2017/07/25.html> (accessed 02.06.2022) [in Rus].

11. Pravovoe regulirovanie tsifrovoy ekonomiki v sovremennikh usloviyakh razvitiya visokotechnologicheskogo biznesa v natsionalnov i globalnom kontekste (2021) [Legal regulation of the digital economy in modern conditions of high-tech business development in a national and global context]. Moscow, Prospekt [in Rus].

12. Ribakov O. YU., Tichonova S. V. (2013) *Filosofia prava*, no. 3, pp. 56-60 [in Rus].

13. Subbotina N. D. (2018) Fenomen gumannosti i ideya gumanizma [The phenomenon of humanity and the idea of humanism]. Chita, ZabGU [in Rus].

14. Talapina E. V. (2018) *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 2, p. 9 [in Rus].

15. Bailey R. Trans-Human Expressway: Why libertarians will win the future, available at: <http://reason.com/archives/2005/05/11/transhuman-expressway> (accessed 01.11.2022) [in Eng].

16. Bostrom N., Sandberg A. (2009) Cognitive Enhancement: Methods, Ethics, Regulatory Challenges. *Science and Engineering Ethics*, vol. 15(3), pp. 311—341 [in Eng].

17. Carrico D. (2009) Condensed Critique of Transhumanism. *Amor Mundi*, available at: <https://amormundi.blogspot.com/2009/01/condensedcritique-of-transhumanism.html> (accessed 14.10.2022) [in Eng].

18. Carrico D. (2006) *Technoproggressivism Beyond Technophilia and Technophobia. The Technoproggressive*, available at: <http://technoproggressive.blogspot.com/2006/08/technoproggressivism-beyond.html> (accessed 02.11.2022) [in Eng].

19. Cerka P., Grigiene J., Sirbikyte, G. Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence.

Computer Law & Security Review, 31, iss. 3, p. 383 [in Eng].

20. Hughes J. (2004) Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future. Cambridge, MA: Westview Press [in Eng].

21. More M. (1992) The Extropian Principles. *Extropy*, vol. 4, no. 1, pp. 5-8 [in Eng].

22. Morhat P. M. (2018) On the issue of legal personality of an «electronic person». *Legal Studies*, no. (4), p. 1-8, available at: <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.4.25647> (accessed 03.06.2022) [in Eng].

23. Reynolds G. (2006) An Army of Davids: How Markets and Technology Empower Or-

dinary People to Beat Big Media, Big Government, and Other Goliaths. Nashville, Thomas Nelson, Inc. [in Eng].

24. Robotics and the lessons of cyberlaw (2015). *California Law Review*, no. 103(3), pp. 513-563 [in Eng].

25. Solaiman S. M. (2017) Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy. *Artificial Intelligence and Law*, vol. 25, Iss. 2, pp. 155-179 [in Eng].

26. Solum L. B. (1992) Legal Personhood for Artificial Intelligences. *North Carolina Law Review*, no. 7 (4), pp. 1231-1287 [in Eng].

Статья поступила в редакцию 07.11.2022

For citing: Baturina, I. V. Political and legal transformations in the context of the development of technologies and intelligent systems: transhumanistic perspectives / I. V. Baturina // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — P. 51—60. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-51-60. — EDN TBHPXG.

UDC 101.1:316.3

EDN TBHPXG

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-51-60

POLITICAL AND LEGAL TRANSFORMATIONS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF TECHNOLOGIES AND INTELLIGENT SYSTEMS: TRANSHUMANISTIC PERSPECTIVES

Irina V. Baturina,

South Ural State University,
Senior Teacher, Department of Philosophy,
Cand.Sc. (History).
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: devizzina@mail.ru

Abstract

Introduction. Innovationism in various areas of society has changed both the natural and social environment. The change speed in the new information and communication field is the reason for many questions related to studying the problems of society and the machine, finding out the place of artificial intelligence in social relations. These processes stimulated the philosophical research, the subject of which was man, modern technologies, scenarios for the development of society, socio-cultural and political-legal forms of its organization. Since the 90s of the twentieth century in the West and later in Russia, a transhumanistic concept has been formed, which connects man, society and technology in a special way. Representatives of transhumanism study the technical developments of human immortality and build models of the perfect man, pursuing as a goal, his deliverance from suffering and disease. Transhumanistic perspectives actualize the need for a thorough, constructive and critical assessment of the possible advantages and risks of technological development, and its impact on the political and legal structure.

In this regard, the ability to see and isolate the features of this process and subsequent reflection is fundamentally important.

The purpose of the article is to consider political and legal transformations in the context

of the interaction of modern technologies and society through the prism of transhumanistic perspectives, to identify possible directions of philosophical reflection of political and legal modes of modernity.

Methods. To achieve the research goal, general scientific methods of cognition were used: analysis and synthesis, induction, deduction, comparison, abstraction. The article also applied institutional-functional and system-structural approaches, the method of interpretation and content analysis. The analysis of public opinion and special labeling of artificial intelligence was carried out with the help of appealing to network content (social networks, blogs, and forums). Communication channels reproduce messages mentioning modern technologies from the point of view of the philistine worldview based on stereotypes broadcast in society and the influence of popular culture. Content analysis revealed the relevance of the spectrum of labeling, relative to artificial intelligence systems, including the verbs "create", "destroy", "help", "enslave". Regarding the sphere of labor, law and politics, the positions differ, from outright alarmism to utopian images of social well-being.

Scientific novelty of the study. The article analyzes the prospects of considering the phenomenon of social transformations, the forms of their representation through political and legal views as exemplified by transhumanism.

Results. The author attempts to give a comprehensive description of social changes in the field of public administration, legal regulation, legal personality and legal responsibility, social equality of participants in legal relations through the specific refraction of these social phenomena in transhumanistic ideas. The spectrum of the main problems in the sphere of interests of the transhumanistic worldview is listed.

Conclusion. Turning to modernization strategies on the example of transhumanism is a natural and necessary need in the political and legal sphere, in particular. In the course of the analysis, a wide range of problems were identified that actualize the social and axiological and anthropological optics of the research. Diverse forms of transhumanistic political trends act as manifestations of socio-legal reflection on the intensification of innovationism, which is capable of radically changing human nature.

Keywords:

science and technology,
innovationism,
high technologies,
artificial intelligence,
social sphere,
politics and law,
transhumanism